

УДК 327.7; 341.24

Е.Э. Кочева

**НЕОФУНКЦИОНАЛИЗМ И МАТЕРИАЛЬНАЯ ЛОГИКА В ТЕОРИИ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ВАЛЬТЕРА ХАЛЬШТЕЙНА**

Рассматривается связь между идеями ранних неофункционалистов и первого президента Европейской комиссии В. Хальштейна. Выявляются сферы пересечения идей и рассматриваются случаи схожего контекстуального употребления ключевых фраз. Делается вывод об их сильном взаимном влиянии, так как неофункционалисты строили свои исследования, основываясь на работе Комиссии, чья политика всецело определялась В. Хальштейном.

Ключевые слова: Хальштейн, европейская интеграция, неофункционализм, *Sachlogik*, *spill-over*.

Роберту Коксу принадлежит замечательное высказывание: «Теория всегда существует для кого-то и для какой-нибудь цели» [1. Р. 128]. Такое высказывание является наследием постпозитивизма. Во многих случаях связь между теорией и предметом изучения диалектична. Понятно, что когда теоретическое влияние на предмет изучения превосходит определенный уровень, это может негативно повлиять на эффективность разработки (принятия) политического курса. Схематизация, являющаяся необходимым компонентом любого теоретизирования, может быть ограничением, когда она принимается теми, кто попадает в ее рамки. Способность принимать и преодолевать вызовы в проведении политического курса, неважно в какой сфере, требует плюралистичности взглядов, плюралистичности перспектив в понимании того, что такое проблемы и что такое решения. Отсутствие вышеперечисленного приводит к политической стагнации [2. Р. 111].

В научных и политических дискурсах в течение последних лет и десятилетий после окончания Второй мировой войны предпринимались попытки концептуализировать ход европейской истории и предложить сценарии ее дальнейшего развития. В 1950–1960-е гг. проявилось многообразие перспектив европейской интеграции. Экономисты видели выход в создании предпосылок для общего рынка [3]. Теоретики международного права считали ключевым понятием суверенитет, а институциональные соглашения наиболее приемлемой формой существования для послевоенной Европы [4]. В политической науке развивались несколько научных направлений, каждое из которых имело собственный взгляд на отношения между государствами. Либеральные интернационалисты, например Инис Клод, делали ставку на наднациональные институты как наиболее эффективный механизм управления международными отношениями [5. Р. 10]; интерговернменталисты, подобно Стэнли Хоффману, соглашались, что такие институты в Европе могут сделать немного больше, чем просто отражать прямые интересы ведущих национальных государств, а трансакционалисты, такие как Карл Дойч, выдвигали

гают на первый план потенциал торговли, путешествий и телекоммуникаций для образования мирной взаимозависимости [6]. В конце 1950-х гг. работа американского политолога Эрнста Хааса «Uniting of Europe» («Объединение Европы») добавила новый методологический ригоризм, что привело к созданию новой школы теории европейской интеграции – неофункционализма. Среди классических теорий региональной интеграции теория неофункционализма являлась самой влиятельной, Эндрю Моравчик даже назвал ее великой теорией (*grand theory*) [7. Р. 13].

Следует отметить, что в конце 1960-х гг. вышла гораздо менее известная книга «*Der unvollendete Bundesstaat*» [пер. авт. с нем. – «Незаконченная федерация»], автором которой был Вальтер Хальштейн, первый президент (1958–1967) Комиссии Европейского экономического сообщества (ЕЭС), немец по национальности. В своем труде ученый и политик, вопреки ожиданиям, поделился не личным опытом, а системно изложил свои взгляды, в том числе теоретические, на политику европейской интеграции, причины, ее породившие, и перспективы развития. Внимательное изучение данного источника позволяет установить, что доминирующей теорией, на которую опирается автор, является федерализм (альтернативный неофункционализму), однако значительная часть работы посвящена объяснению логики европейской интеграции и, как показывает сравнительный анализ, имеет много общего с тезисами, выдвигаемыми неофункционалистами. В связи с тем, что В. Хальштейн в пятом издании своего труда даже не ссылается на Э. Хааса, а последний упоминает Хальштейна лишь вскользь, любопытным представляется вопрос: имело ли место взаимное влияние неофункционалистов и В. Хальштейна? Если да, то в какой степени они учились друг у друга? И если нет, то чем объяснить сходство двух теорий? А может быть, как это часто случается в естественных науках, они «открыли» одни и те же связи независимо друг от друга, возможно, опираясь на различные источники и различные научные концепции?

Главными представителями школы раннего неофункционализма были профессор Калифорнийского университета в Беркли Эрнст Хаас («отец» неофункционализма), автор нескольких работ в середине 60-х [например, 8], Леон Линдберг из университета Висконсина, а также его помощник Стюарт Шейнгольд. Существующую между этими учеными и первым президентом Европейской комиссии связь можно найти в публикациях последнего: например, труд Хааса «Объединение Европы» есть в библиографии публикации Клейтонских лекций Хальштейна 1962 г. [9]. Существенным представляется то, что он практически не упоминал неофункционалистов в своих знаменитых речах, но ссылки на них все же существуют в некоторых рукописных трудах, хранящихся в Федеральном архиве ФРГ, в которых Хальштейн утверждает, что «самое лучшее, что есть в политической науке на сегодняшний момент, пришло из США», выражает благодарность Леону Линдбергу как ученому и цитирует его [2. Р. 117]. Можно утверждать, что Хальштейн во многом идентифицирует свои собственные мысли с неофункционализмом, и след неофункционалистских политических дискурсов прослеживается во многих документах Комиссии того времени [2. Р. 118].

Как правило, политологи и ученые просто игнорируют вклад Хальштейна в дебаты о теориях интеграции. Теории международной интеграции и международных организаций не включают в себя работы Хальштейна. Скорее, они фокусируются на (американских) подходах неофункционализма, чьи основные постулаты имеют значительное сходство с концепцией Хальштейна *Sachlogik* [пер. авт. с нем. – «материальная логика»] [10. Р. 229]. В середине 1960-х гг. Хальштейн объяснял процесс европейской интеграции как «логический» феномен. Также он был глубоко убежден, что экономические вопросы являются политическими. Так, в марте 1962 г. он пояснял: «Реальностью нашего Сообщества является не экономическая интеграция, [...] а скорее [...] политическая интеграция» [11. Р. 338]. Однако идея логики интеграции, или, как Хальштейн называл ее, *Sachlogik*, была намного более сложной и во многих аспектах имела сильное сходство с работами неофункционалистов. Другими словами, неофункционализм был теоретическим средством, которое позволило Хальштейну инкорпорировать его ранние взгляды о единстве экономической и политической сфер в более полное понимание процесса Европейской интеграции. Идея *Sachlogik* занимает одно из центральных мест в его книге, в которой он раскрывает принципы своего понимания европейской интеграции [12. Р. 20–26, 61; 13. Р. 24–29, 65].

Вера в «логику» интеграции как для неофункционалистов, так и для самого Хальштейна содержит серию ключевых элементов. Возможно, самым фундаментальным из этих элементов является идея, что интеграция может быть практически полностью объяснена материальными «интересами» вовлеченных сторон. Такое мнение выразил Хаас в 1958 г., когда написал, что «главные группы интересов наравне с политиками определяют уровень своей поддержки или оппозиции по отношению к новым центральным институтам и политикам в зависимости от ожидаемой выгоды» [14. Р. xiv]. В своей лекции в Чатам Хаус в декабре 1964 г. Хальштейн говорил о Сообществе, основанном на «балансе индивидуальных интересов и интересах Сообщества», а на лекции в Киле он использовал выражение «*Menschen, von Interessen bewegt*» [пер. авт. с нем. – «люди, движимые интересами»] и даже «*vested interests*»¹ [пер. авт. с англ. – «закрепленные права»] [15. Р. 510, 535–536]. В дальнейшем он употреблял словосочетание «*interest coalition*» [пер. авт. с англ. – «коалиция интересов»] – термин, традиционно используемый неофункционалистами. Термин «*package deal*»² [пер. авт. с англ. – «пакетное соглашение»], введенный в научный оборот Шейнгольдом и Линденбергом, также использовался Хальштейном в английском варианте кильской лекции [15. Р. 538].

Вторая основная сфера пересечения идей Хальштейна и неофункционалистов может быть объяснена как вера в «*logic of spill-over*» [пер. с англ. – «логика перетекания»], которую Линденберг объяснил в 1963 г.: «Исходная

¹ Традиционный английский термин, обозначающий законные права, преимущественные права, закреплённые законом или традицией.

² Варианты пер. «комплексное урегулирование», «пакетное соглашение», «пакетная сделка»: 1) При переговорах: широкое соглашение, охватывающее ряд взаимосвязанных вопросов, решение по которым принимается одновременно. 2) В законодательной деятельности: компромиссный законопроект, удовлетворяющий все политические фракции законодательного собрания.

задача и передача полномочий центральным институтам создает ситуацию или серию ситуаций, с которыми можно справиться только путем дальнейшего расширения задач и передачи полномочий» [8. Р. 10]. Идея «expansive tasks» [пер. авт. с англ. – «экспансивные задачи»], о которых говорил Линденберг, была воспроизведена Хальштейном в его октябрьской речи 1964 г., где он заявил: «Каждое общее действие создает основание, необходимость для дальнейших совместных действий [...] Ежедневно растет круг задач, с которыми можно справиться только путем совместного сотрудничества» [16. Р. 490–494]. Что касается логики инициативы, то при ближайшем рассмотрении можно найти предпосылки теории и тактики, которым следует интеграция. Схожий динамизм интеграции содержится в ключевых фразах «expansive logic of sector integration» [пер. авт. с англ. – «экспансивная логика секторной интеграции»] и «spill-over» [пер. авт. с англ. – «перетекание»] [14. Р. 283]. Хаас считает, что функциональная логика более или менее автоматически влечет за собой переход от общего рынка к политическому объединению [17. Р. 53].

Развитая форма веры в логику интеграции не представлена в ранних текстах Хальштейна [например, 18]. Как отмечает Джонатан Вайт, представитель англосаксонской школы, примерно с 1964 г. (!), после публикации работы Линдберга «Political Dynamics of European Economic Integration», «"логика перетекания"» политическая и социальная, а также и строго экономическая, были найдены в источниках (в ранних работах В. Хальштейна. – *Е.К.*)» [2. Р. 122].

В нескольких своих работах Хаас описывал методы разрешения споров: «the lowest common denominator» [пер. авт. с англ. – «нижний общий знаменатель»], метод «splitting the difference» [пер. авт. с англ. – «классификация разногласий»], «upgrading the common interest» [пер. авт. с англ. – «усиление общего интереса»] [19. Р. 369, 20. Р. 111]. Линдберг, следуя категоризации Хааса, проанализировал положения каждого метода [8. Р. 111]. И практически без изменений эти три метода разрешения конфликтов были использованы Хальштейном в его лекции, под названиями «ein quantitativer Kompromiß» [пер. авт. с нем. – «количественный компромисс»] и «eine Synthese neuer Elemente» [пер. авт. с нем. – «синтез новых элементов»] [15. Р. 536]. Представляется интересным, что Хальштейн использовал эти методы и в контексте Сообщества: «...самой элементарной силой любого сообщества является разнообразие его партнеров. [...] Каждая победа общего над частным делает его сильнее» [15. Р. 536]. Что касается баланса «интересов», то он был подогнан под «пакетное соглашение», что свидетельствует об общей склонности рассматривать вопросы скорее комплексно, чем по отдельности. Это был другой пункт совпадения взглядов Хальштейна и неофункционалистов. Если придается большое значение логике интеграции, то проблема рассматривается не в отдельности, а видится через серию поставленных вопросов [2. Р. 119–120]. Это было объяснено Шейнгольдом с точки зрения логической перспективы: «Пакет предложений, как подтверждено Леоном Линдбергом [...], служит одновременному прогрессу во взаимосвязанных областях [...]». Процесс конструктивного оформления базируется на логике интеграции» [21. Р. 480]. Хальштейн также часто использовал такие понятия, как «equilibrium» [пер. авт. с англ. – «баланс»], «der innere Zusammenhang aller Bereiche der

Wirtschaft und der Wirtschaftspolitik» [пер. авт. с нем. – «внутренняя взаимозависимость всех областей хозяйства и экономической политики»], чтобы объяснить необходимость четкого формулирования проблем.

Неотделимой от веры в «логику перетекания» была тенденция понимать интеграционный процесс в некотором смысле как неизбежный. Как концепция она тогда была понята и принята по существу как однонаправленная, так как не было понятия «spill-back»³ [пер. авт. с англ. – «откат»], а это означало, что политическая интеграция воспринималась как предопределенный факт, и многие источники это подтверждают [2. Р. 120]. Это чувство неизбежности подчеркивалось Шонвальдом [22. Р. 296–297]. Хальштейн использовал идею Sachlogik, чтобы показать «выгоду, необходимость, неизбежность европейского единства» [15. Р. 524, 537]. В его понимании, материальная логика (Sachlogik) – «это анонимная сила, которая работает только благодаря человеческой воле. Она может быть названа материальной логикой. Экономика это не то же самое, что алфавит: она выражает единое целое, она обладает внутренней логикой, которая сильнее, чем капризные повеления политики. Без этой внутренней логики не было бы экономической науки; одним из ее результатов является то, что действие в одной сфере экономической политики имеет влияние на все остальные» [13. Р. 24, 12. Р. 20, 23. Р. 22–23]. Роберт Марджолин, вице-президент Европейской комиссии того периода, не был «лирическим европейцем» [24. Р. 57] и довольно критично отзывался об этом: «[для Хальштейна. – прим. авт.] федеральная Европа может появиться благодаря политической воле. Практически это означает, что, как только будет предпринят первый шаг в этом направлении, события будут следовать друг за другом таким образом, что это неизбежно приведет к желаемому результату. Это суть так называемой теории «эффекта перетекания» [25. Р. 265]. Стоит отметить, что сам Хальштейн подчеркивал, что европейская интеграция не является неизбежным процессом и зависит от политической воли: «Позвольте мне подчеркнуть, что я не внушаю, что все следует автоматически или без помех. Только не в политике» [9. Р. 166, 16. Р. 491, 13. Р. 46, 12. Р. 42]. Вольфганг Вессельс, проведя анализ данного текста, пришел к выводу о том, что тенденция движется в сторону «предполагаемой неизбежности». Эта неизбежность является результатом теории «кто сказал “А”, должен сказать “Б”» или концепции одной из естественных наук, так называемой «физиологической цепной реакции», которая ведет к неизбежности [10. Р. 242]. Как и во всех теориях и концепциях (особенно тех, которые исходят от «должностных лиц»), политическая и организационная «заинтересованность» должна приниматься во внимание. Соответственно, Sachlogik «находит» институционального «сторонника» в Комиссии [26. Р. 315]. Комиссия выступает в качестве «агента» автоматического механизма. Сам Хальштейн следует этой экстраполяции в ограниченной степени. Он описывает Комиссию как «наиболее оригинальную часть механизма Сообщества», чьей функцией является представление «интересов Сообщества как единого целого» [13. Р. 57, 12. Р. 56, 23. Р. 82]. Что касается Эрнста Хааса, то он с небольшим доверием воспринимал Sachlogik, которую Хальштейн понимал как «физиологическую цепную реак-

³ «Откат» как процесс, обратный «перетеканию».

цию». Хаас понимал политическую интеграцию как «процесс, посредством которого политические акторы в нескольких различных национальных учреждениях убеждены в передаче их лояльности, ожиданий и политической активности новому центру, чьи институты обладают или требуют юрисдикцию над существующими национальными государствами» [14. Р. 16].

Наконец, что касается роли политических и экономических элит, то и для Хальштейна, и для неофункционалистов необходимость создать новые идентичности и изменить лояльность группы элит являлась одной из фундаментальных задач проекта интеграции. Неофункционалисты называли такое смещение лояльностей «эффектом системной трансформации». Хальштейн также использовал этот термин в своей лекции в Киле [15. Р. 525] и в сокращенной ее версии, напечатанной в бюллетене Европейского экономического сообщества в апреле 1965 г., что еще раз доказывает, что это не было символическое употребление термина, направленное на то, чтобы произвести впечатление на студентов-политологов, а являлось непосредственным отражением взглядов Хальштейна [2. Р. 121–122].

Как уже подчеркивалось, отношения между неофункционалистами и Комиссией были взаимовыгодными вследствие того, что разработчики строили свои исследования, основываясь на работе последней. Основные идеи теории «перетекания» предшествовали неофункционалистам и были представлены в ранних дискурсах Жана Монне и самого Хальштейна. Повторяя и развивая эти идеи, неофункционалисты просто подкрепили размышления, которые, хоть и в общих очертаниях, но уже были в обращении. Объективно следует принимать во внимание, что Хальштейн не принял теорию неофункционализма, как только она приобрела известность. Хальштейн никогда не был неофункционалистом. Как может быть замечено, это скорее можно назвать серией «органичных убеждений», которые в силу самой природы европейской интеграции и роли Комиссии в ней имеют многие элементы неофункционалистского дискурса – лексикон, а вместе с лексиконом многие ключевые идеи.

На основе всего вышесказанного эти ключевые идеи можно резюмировать следующим образом:

- а) определяющее интегративное давление материальных интересов;
- б) логика перетекания;
- в) стратегия коллективного решения проблем и определенный набор тактик для решения споров;
- г) фактическая неизбежность интеграционного процесса (подтвержденная историей);
- д) необходимость передачи лояльности экономических и политических элит на уровень Сообщества [ср. 2. Р. 122].

Следует отметить, что эти «убеждения» имеют определенный уровень внутренних противоречий. Например, до какой степени приемлемо формулировать чьи-либо политические цели и пытаться держать их под контролем? Эти взгляды играли значительную роль в формировании направления интеграционного процесса, концептуализированного ключевой фигурой в Комиссии – В. Хальштейном [2. Р. 123].

Значимость теории «материальной логики» в политической науке не была оценена должным образом, по причине большого сходства с идеями раннего

неофункционализма, который понимался не как «продукт академии», а, скорее, как перевод в научную терминологию оригинальной стратегии Комиссии Европейского сообщества. В соответствии с такой интерпретацией политическая стратегия В. Хальштейна как президента Европейской комиссии (или, скорее, воспринимаемая так Хаасом и другими), несмотря на то, что она получила письменное выражение лишь после его ухода с должности, в значительной степени повлияла на развитие неофункционализма.

Литература

1. Cox R. W. Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory // Millennium – Journal of International Studies. 10 (2). 1981. P. 126–155. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mil.sagepub.com/content/10/2/126> [10.03.2011].
2. White J. P. J. Theory Guiding Practice: the Neofunctionalists and the Hallstein EEC Commission // Journal of European Integration History, 2003. 9(1). P. 111–133.
3. Viner J. The Customs Union Issue. London: Stevens & Sons, 1950.
4. Macdougall M. Studies in World Public Order. Yale University Press, New Haven, 1960.
5. Claude I. L. Power and international relations. New York: Random House, 1969.
6. Pentland C., Boyd G. Building Global Institutions // Issues in Global Politics. London: Collier Macmillan, 1981.
7. Moravcsik A. The choice for Europe: social purpose and state power from Messina to Maastricht. London: UCL Press, 1999.
8. Lindenberg L. The Political Dynamics of European Economic Integration, Stanford: Stanford University Press, 1963.
9. Hallstein W. United Europe, Challenge and Opportunity. Harvard University Press, Cambridge Mass., 1962.
10. Wessels W. Walter Hallstein's contribution to Entegration Theory: Outdated or Underestimated? / W. Loth, W. Wallace and W. Wesswls. Basingstok: Macmillan Press LTD, 1998. P. 229–252.
11. Hallstein W. Bericht über die Lage der Gemeinschaft // T. Oppermann. Stuttgart: Dt. Verl.-Anstalt, 1979. P. 327–340.
12. Hallstein W. Der unvollendete Bundesstaat. Düsseldorf: Econ Verl., 1969.
13. Hallstein W. Europe in the making. (Trans. C. Roetter). London, 1972.
14. Haas E. B. The Uniting of Europe: Political, Social and Economic Forces, 1950–57. London: Stevens & Sons, 1958.
15. Hallstein W. Die Echten Probleme der Europäischen Integration // T. Oppermann. Stuttgart: Dt. Verl.-Anstalt, 1979. P. 523–544.
16. Hallstein W. Rome, opening session of the 7th Conference of European Local Authorities / T. Oppermann. Stuttgart: Dt. Verl.-Anstalt, 1979. P. 485–498.
17. Sidjanski D. Erfolge und Krisen der Integration. Köln: Europa-Union-Verl, 1969.
18. Hallstein W. Wirtschaftliche Integration als Faktor politischer Einigung // T. Oppermann. Stuttgart: Dt. Verl.-Anstalt, 1979. P. 243–254.
19. Haas E.B. International Integration: The European and Universal Process // International Organization, 15(3). 1961. P. 366–392. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/2705338> [11.03.2011].
20. Haas E.B. Beyond the Nation-State: Functionalism and International Organization. Stanford: Stanford University Press, 1964.
21. Scheingold S. De Gaulle versus Hallstein: Europe picks up the pieces // The American Scholar, (35). 1966. P. 475 – 490.
22. Schönwald M. “The same – should I say – antenna”: Gemeinsamkeiten und Unterschiede im europapolitischen Denken von Jean Monnet und Walter Hallstein (1958–63) // A. Wilkens. Interessen verbinden: Jean Monnet und die europäische Rolle der Bundesrepublik Deutschland. Bonn: Bouvier, Bonn, 1992. P. 269–297.
23. Hallstein W. Die Europäische Gemeinschaft. Düsseldorf: Econ-Verl, 1979.
24. Dumoulin M. The European Commission: 1958–72; history and memories. Luxembourg: Office for Official Publ. of the European Communities, 2007.
25. Marjolin R. Architect of European unity: memoirs 1911–1986. London: Weidenfeld and Nicolson, 1989.
26. Göhler G. Die Eigenart der Institutionen: zum Profil politischer Institutionentheorie. Baden-Baden: Nomos-Verl., 1994.